

Глава XXX.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. РЕАКЦИЯ 1791—1792 гг.

Новое Национальное собрание, избранное одними «активными» гражданами и принявшее название Национального Законодательного собрания (Assemblée Nationale Legislative), открылось 1 октября 1791 г., и с самого же начала король, ободренный дружественными демонстрациями толпившихся вокруг него дворянства и буржуазии, принял по отношению к новому Собранию высокомерный тон. Так же, как и в первых заседаниях Генеральных штатов, начались со стороны двора мелкие уколы, встречавшие лишь слабое сопротивление со стороны народных представителей. И несмотря на это, когда король явился в Собрание, оно встретило его униженными знаками почтения и проявило самый восторженный энтузиазм. Людовик XVI говорил о постоянной гармонии и ненарушимом доверии между Законодательным собранием и королем. «Пусть любовь к отечеству объединит нас, а общая польза сделает неразлучными», — говорил король и в это же самое время подготовлял иностранное нашествие, долженствовавшее укротить конституционалистов и восстановить отдельное представительство трех сословий и все привилегии дворянства и духовенства.

Вообще начиная с октября 1791 г., в сущности даже с бегства короля и его ареста в Варение 21 июня, страх иностранного нашествия охватил умы и стал главным предметом общих забот. В Законодательном собрании была правая сторона — фельяны, или конституционные монархисты, и левая — партия Жиронды, составлявшая промежуточное звено между полуконституционной и полуреспубликанской буржуазией*. Но ни те, ни другие не занимались великими задачами, завещанными им Учредительным собранием. Ни установление республики, ни уничтожение феодальных прав не интересовало Законодательное собрание. Даже якобинцы, даже кордельеры точно сговорились не поднимать больше вопроса о республике. Страсти революционеров и контрреволюционеров разгорались и сталкивались только на самых второстепенных вопросах, вроде того, кому быть мэром Парижа.

*Она так называлась по имени провинции Жиронды из которой происходили главные члены этой партии.

Главную заботу теперь составляли вопрос о духовенстве и вопрос об эмигрантах. Они заслонили собой все остальные отчасти вследствие попыток контрреволюционных

восстаний, организованных духовенством и эмигрантами, а также и потому, что эти вопросы были тесно связаны с войной, близость которой чувствовалась всеми.

Самый младший из братьев короля, граф д'Артуа, эмигрировал, как мы видели, еще 15 июля 1789 г. Другой брат его, граф Прованский, бежал одновременно с Людовиком XVI и добрался до Брюсселя. И тот и другой протестовали против принятия королем конституции. Он не может, говорили они, уступать прав старой монархии, а потому его акт недействителен. Их протест был широко распространен роялистскими агентами по всей Франции и произвел большое впечатление.

Дворяне массами покидали свои полки или замки и эмигрировали, а остававшимся дома роялистам эмигранты грозили «разжалованием в буржуа», когда вернутся победителями дворяне. Эмигранты, собравшиеся в Кобленце, Вормсе и в Брюсселе, открыто подготавливали контрреволюцию, которая должна была быть поддержана вторжением иностранных войск. Таким образом становилось все более и более очевидным, что король ведет двойную игру: ясно было, что все, что делается среди эмиграции, делается с его согласия.

30 октября 1791 г. Законодательное собрание решилось, наконец, принять меры против второго брата короля, Людовика-Станислава-Ксавье, герцога Прованского, которому Людовик XVI вручил в момент своего бегства декрет, назначающий его регентом, в случае если сам он будет арестован. Теперь Собрание требовало от герцога Прованского, чтобы он вернулся во Францию не позже двух месяцев под угрозой потери своих прав на регентство. Через несколько дней (9 ноября) Собрание послало также всем эмигрантам приказ вернуться раньше конца года; иначе с ними поступят как с заговорщиками: сами они будут осуждены заочно, а их имущества конфискованы в пользу нации, «не нарушая, впрочем, прав их жен, детей и законных кредиторов».

Король утвердил декрет относительно своего брата, но наложил свое вето на второй декрет, касавшийся эмигрантов: он отказался его утвердить, равно как и другой декрет, которым предписывалось священникам принести присягу конституции, причем в противном случае грозили арестовать их как подозрительных лиц, если в тех общинах, где они исправляют свою должность, произойдут какие-нибудь религиозные беспорядки. На этот декрет король также наложил свое вето.

Самым важным актом Законодательного собрания было объявление войны Австрии. Австрия открыто готовилась к войне, чтобы вернуть Людовику XVI все права, какими он пользовался до 1789 г. Король и Мария-Антуанета побуждали к войне австрийского императора, а после неудачной попытки к бегству стали торопить его все настойчивее. Очень возможно, впрочем, что приготовления Австрии затянулись бы еще надолго, может быть до весны, если бы войну не постарались, с другой стороны, вызвать жирондисты.

Несогласия в министерстве, где один член, Бертран де Мольвиль, был решительным противником конституционного строя, а другой, Нарбонн, хотел сделать из конституции опору трона, скоро привели к падению этих министров. Тогда в марте 1792 г. Людовик XVI призвал к власти жирондистское министерство, в котором Дюмурье был министром иностранных дел, Ролан (т. е. в сущности, госпожа Ролан) — министром внутренних дел, Де-

Грав, которого вскоре сменил Серван, — министром военным, Клавьер — министром финансов, Дюрантон — юстиции и Лакост — морским.

Нечего и говорить, что (как на это сейчас же указал Робеспьер) переход власти к жирондистам не только не содействовал революции, но, наоборот, был полезен для реакции. Теперь, когда король согласился, как выражались при дворе, на «министерство из санкюлотов», умеренность стала всеобщим кличем. Единственное, к чему это министерство толкало с ожесточением, вопреки предостережениям Марата и Робеспьера, — это к войне... И вот 20 апреля 1792 г. жирондисты восторжествовали. Австрии, или, как говорили тогда, «королю Богемии и Венгрии», была объявлена война.

Была ли эта война необходимостью? Жорес*поставил этот вопрос и привел для его разрешения много материалов того времени. Заключение, к которому приводят эти материалы и к которому пришел Жорес, то же самое, к какому приходили Марат и Робеспьер. Война не была необходимостью. Иностранные государи, конечно, боялись распространения республиканских идей во Франции; но от этого до решимости лететь на помощь Людовику XVI было еще очень далеко. Начать такого рода войну они не решались. Войны желали в особенности жирондисты, и они толкали к ней, потому что видели в ней средство борьбы с королевской властью.

*Jaures J. Histoire socialiste, v. 2 La Legislative Paris, [1904] p 815.

Марат сказал по этому поводу глубокую правду без всяких фраз. «Вы стремитесь к войне», — говорил он, — потому что не хотите обратиться к народу, чтобы при его помощи нанести королевской власти решительный удар. Действительно, обращению к народу с призывом к революции жирондисты и очень многие якобинцы предпочитали чужеземное нашествие. Оно должно было, по их мнению, разбудить общий патриотизм, обнаружить измену короля и роялистов и привести таким образом к падению монархии без участия народного восстания. «Нам нужны громкие измены», — говорил жирондист Бриссо, — человек, ненавидевший народ с его беспорядочными восстаниями и нападениями на собственность.

Итак, с одной стороны двор, а с другой — жирондисты действовали в одном и том же направлении, стремясь вызвать и ускорить вторжение чужеземцев во Францию. При таких условиях война стала неизбежна, и она загорелась с ожесточением на целые 23 года со всеми своими последствиями, пагубными и для революции, и для европейского прогресса вообще. «Вы не хотите обратиться к народу, вы не хотите народного восстания, так получите войну и, может быть, разгром!» — говорил Марат. И сколько раз правдивость этих слов подтверждалась впоследствии!

Призрак вооруженного и восставшего народа, требующего от богатых своей доли национального богатства, не переставал ужасать людей, попавших во власть или приобретших благодаря клубам и газетам влияние на ход событий. Нужно сказать и то, что революционное воспитание народа подвинулось вперед благодаря самой революции, и теперь он уже начинал требовать мер, проникнутых коммунистическим духом и способных сколько-нибудь сгладить экономическое неравенство.

Среди народа говорилось тогда об «уравнивании состояний». Крестьяне, владевшие ничтожным клочком земли, и городские рабочие, страдавшие от безработицы, решались заговаривать о своем праве на землю. В деревнях требовали, чтобы ни один фермер не мог снимать больше 40 десятин земли, а в городах говорили, что каждый, кто хочет обрабатывать землю, должен иметь право на столько-то десятин.

Такса на жизненные припасы с целью предотвратить спекуляцию на предметах первой необходимости, законы против спекуляторов, закупка муниципалитетами жизненных припасов и продажа их жителям по покупной цене, прогрессивный налог на богатых, принудительный заем и, наконец, высокий налог на наследства — все это обсуждалось в народе; те же требования проникали и в печать. Самое единодушие, с которым они выражались всякий раз, когда народ в Париже или в провинции одерживал победу, доказывает, что эти мысли были широко распространены среди обездоленной массы даже тогда, когда писатели из революционной среды не решались особенно громко высказывать их. «Неужели вы не замечаете, — писал Робер в мае 1791 г. в своих «*Revolutions de Paris*», — что Французская революция, за которую вы боретесь, говорите вы, как гражданин, представляет собой настоящий аграрный закон, проводимый в жизнь народом? Народ уже вернул себе свои права. Еще один шаг — и он вернет себе и свое имущество. Самое трудное уже сделано...»*

**Revolutions de Paris*, N 96, 1791, 7—14 mai, p. 247. — Цит. по: Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1902, ч 1, гл. IV.

Легко себе представить, какую вражду возбуждали эти требования в буржуазии, которая только что расположилась спокойно наслаждаться приобретенными богатствами и новым, привилегированным политическим положением в государстве. Об этом можно судить по тому страшному возбуждению, которое было вызвано в Париже в марте 1792 г. известием об убийстве крестьянами мэра города Этампа, некоего Симоно. Подобно многим другим буржуазным мэрам, он расстреливал без суда восставших крестьян, и никто против этого не протестовал. Но когда голодные крестьяне, требовавшие таксы на хлеб, убили, наконец, этого мэра пиками, то каким взрывом негодования отозвалась на это парижская буржуазия!

«Настал день, когда собственники, принадлежащие ко всем классам, должны, наконец, почувствовать, что они падут под косой анархии», — жаловался Малле-дю-Пан в «*Mercure de France*»; и вслед за тем он советовал составить «объединение» собственников против народа, против разбойников, проповедующих аграрный закон. Все стали тогда кричать против народа, Робеспьер — наравне с другими. Один только священник Доливье (впоследствии его причисляли к «бешеным», к «анархистам») решился поднять голос в защиту народных масс и сказать, что «нация, действительно, собственница своей земли».

«Нет такого закона, — говорил он, — который мог бы по справедливости заставить крестьянина голодать, когда слуги и даже животные богатых не нуждаются ни в чем».

Что касается Робеспьера, то он поспешил заявить, что «аграрный закон — не что иное, как нелепое пугало, которым злонамеренные люди пугают глупцов». Он заранее высказывался против всякой попытки «уравнивания состояний». Всегда стараясь идти в уровень с теми

мнениями, которые брали перевес в данную минуту среди прогрессивной части буржуазии, он и не подумал стать на сторону тех, кто шел с народом и кто понимал, что только уравнивательные и коммунистические стремления могут дать революции силу, нужную ей, чтобы завершить уничтожение феодального строя.

Эта боязнь народного восстания и его экономических последствий побуждала вместе с тем буржуазию все теснее и теснее спланиваться вокруг престола и довольствоваться конституцией в том виде, в каком она была выработана Собранием, со всеми ее недостатками и уступками королю. Вместо того чтобы идти вперед по пути республиканских идей, буржуазия и ее интеллигенция двигались в обратном направлении. Если в 1789 г. во всем, что делало третье сословие, можно было видеть республиканский, демократический дух, то теперь, по мере того как коммунистические и уравнивательные стремления росли в народе, те же самые люди становились защитниками королевской власти; истинные же республиканцы, вроде Томаса Пэна и Кондорсе, являлись представителями лишь ничтожного меньшинства среди образованной буржуазии. По мере того как народ становился республиканским, буржуазная интеллигенция пятилась назад, к конституционной монархии.

13 июня 1792 г., т. е. всего за неделю до вторжения народа в Тюильри, Робеспьер еще громил республику. «Напрасно, — восклицал он, — хотят увлечь горячие и малоосведомленные головы приманкой более свободного управления и именем республики: низвержение конституции не может в настоящий момент дать ничего, кроме гражданской войны, которая приведет к анархии и деспотизму».

Боялся ли он, как предполагает Луи Блан, водворения аристократической республики? Возможно. Но нам кажется более вероятным, что, оставаясь до того времени решительным защитником собственности, Робеспьер, как почти все якобинцы, боялся взрыва народного гнева и его попыток «уравнения состояний» (теперь мы сказали бы «экспроприации»). Он боялся, что революция погибнет в коммунистических начинаниях. Как бы то ни было, всего за несколько недель до восстания 10 августа, когда все дело революции, незаконченной, остановленной в своем развитии и окруженной тысячами всевозможных заговоров, было поставлено на карту и ничто не могло спасти ее, кроме ниспровержения королевской власти народным восстанием, Робеспьер, как и все якобинцы, предпочитал сохранить короля и двор, чем обратиться к революционному натиску народа. Совершенно так же в наши дни итальянские и испанские радикалы предпочитают монархическое правление риску народной революции, потому что последняя неизбежно была бы проникнута коммунистическими стремлениями.

История постоянно повторяется, и сколько раз еще она повторится, когда в России, Италии, Германии, Австрии начнется своя великая революция!

Самое поразительное в тогдашнем настроении политических деятелей было то, что как раз в это время революции угрожал со стороны роялистов гигантский удар, давно уже подготовленный и готовый теперь разразиться при поддержке крупных восстаний на юге и на западе Франции, одновременно с нападением на Францию германских государств, а также Англии, Сардинии и Испании.

В июне 1792 г. король уже удалил из своего министерства трех жирондистских министров (Ролана, Клавьера и Сервана), и тогда Лафайет, глава партии фельянов (т. е. конституционных роялистов) и роялист в душе, обратился к Законодательному собранию с письмом, помеченным 18 июня, в котором он предлагал совершить переворот против революционеров. Он прямо советовал в этом письме очистить Францию от революционеров и прибавлял, что в войске «принципы свободы и равенства пользуются любовью, законы уважаются и собственность священна, не так как, например, в Париже, в Коммуне, или у кордельеров, где позволяют себе нападать на нее».

Лафайет требовал — и это может служить для нас мерилom тогдашней реакции, — чтобы королевская власть была неприкосновенна и независима. Он хотел, чтобы «король был окружен почетом» (после вареннского побега!), и все это в то самое время, когда в Тюильри подготавливался обширный роялистский заговор, когда король вел деятельную переписку с Австрией и Пруссией, от которых ждал своего «освобождения», и когда он обращался с Собранием с большим или меньшим пренебрежением, смотря по тому, какие получались известия относительно близости немецкого нашествия.

Подумать только, что Собрание готово было разослать это письмо Лафайета по всем 83-м департаментам и что только хитрый маневр жирондистов помешал этому: Гюаде стал уверять Собрание, что письмо, должно быть, подложное, что Лафайет не мог его написать! И все это происходило меньше чем за два месяца до 10 августа, когда парижский народ сверг короля.

Роялистские заговорщики наводняли в ту пору Париж. Эмигранты свободно ездили взад и вперед между Кобленцем и Тюильри, откуда они возвращались, облаканные двором и снабженные деньгами.

«Тысячи притонов были открыты для роялистов», — говорит Шометт, бывший в то время прокурором Парижской коммуны*. Департаментское управление Парижа, в состав которого входили Талейран и Ларошфуко, было вполне предано двору. Городское управление, значительная часть мировых судей, большинство национальной гвардии и весь ее генеральный штаб были также на стороне двора. Из них составлялась вся куча горлодеров, которые сопровождали двор во время ставших ныне частыми прогулок короля по Парижу и присутствия его при всех театральных представлениях, писал в своих записках Шометт.

*Chaumette P. C. Memoires sur la Revolution du 10 Aout 1792. Avec introduction et notes par A. Aulard. Paris, 1893. Шометт даже обвиняет департаментскую директорию в том, что она выписала 60 тыс. контрреволюционеров и дала им приют. Если эта цифра и преувеличена, то самый факт скопления в Париже значительного числа контрреволюционеров остается несомненным.

«Военно-лакейская челядь, окружавшая двор и состоявшая в значительной мере из бывших телохранителей, из вернувшихся эмигрантов и из тех героев 28 февраля 1791 г., которые известны были под именем рыцарей кинжала, вооружала против себя народ своим высокомерным обращением, оскорбляла национальное представительство и открыто говорила о своих пагубных для свободы замыслах». Все монахи, монахини и огромное

большинство священников были на стороне контрреволюции*.

*Вот случаи, о котором говорил тогда весь Париж и о котором рассказывает г-жа Жюльен: «Настоятельница Сердобольных вдов в Рюэйле потеряла свой бумажник; его нашли и осмотрели в местном муниципалитете. Оказалось, что 1 января эти монахини послали эмигрантам 48 тыс. ливров» (Journal d'une bourgeoise pendant la Revolution. Publ. par Ed. Lockroy. Paris, 1881, p. 203.)

Что касается до Собрания, то вот как характеризовал его Шометт: «Бессильное, оно не пользуется уважением; его разъедают внутренние раздоры, и оно унижает себя перед Европой своими мелочными и озлобленными прениями. Двор нагло оскорбляет его, а оно отвечает на презрительное отношение двора еще большим унижением; власти оно никакой не имеет, не имеет и определенной воли». И действительно, Собрание, по целым часам обсуждавшее, из скольких человек должна состоять депутация, посылаемая им к королю, будут ли для нее открыты обе створки дверей или только одна, и проводившее время, как говорит Шометт «в выслушивании декламаторских докладов, всегда кончавшихся... обращениями к королю», — такое Собрание должно было непременно вызывать презрение даже у самого двора.

Между тем на западе и на юго-востоке Франции, под самыми стенами таких революционных, городов, как Марсель, работали тайные роялистские комитеты. Они собирали в замках оружие, вербовали офицеров и солдат и готовились в конце июля двинуть на Париж сильную армию под предводительством эмигрантов, присланных из Кобленца.

Эти движения на юге настолько характерны, что на них следует остановиться и дать о них некоторое понятие.